

26. ГАПО. Ф. 41. Ол. 2. Д. 102. Л. 29, РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. 4. I. Ед. Хр. 248. Л. 1-2.
 27. Положении об управлении Пермского нераздельного имения. Изданное в феврале 1837 года. СПб., 1839. С. 68-69.
 28. Там же. С. 70-71.
 29. Дополнение к Экономическому уставу от 18 февраля 1841 г., утвержденное Ея сиятельством 9 апреля 1841 г. С. 3.
 30. Дополнение второе к утвержденному в феврале 1837 г. «Положению об управлении Пермского нераздельного имения...» С. 1.
 31. Устав экономический. С. 5.
 32. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 102. Л. 29-29об.
 33. Устав экономический. С. 4-5.
 34. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 102. Л. 24 об.
 35. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 102. Л. 30-30 об.
 36. ИРКМ. Основной фонд. Д. 1976. Л. Л. 7-8. 11-12. 15-18. 32-33. 41-42. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1. Л. 40-41.
 37. Устав экономический. С. 6-7.
 38. Там же. С. 7.
 39. Завар — хозяйственный год, начинавшийся 1 мая и заканчивавшийся 30 апреля след. календарного года.
 40. КПОКМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-9, 18-21.
 41. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 20. Л. 44.
 42. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 102. Л. 30.
 43. КПОКМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
 44. Там же. С. 8-9.
 45. Там же. С. 9-12.

Вячеслав Юрьевич СОФРОНОВ —
 зав. лабораторией истории
 духовной культуры Западной Сибири,
 доцент кафедры права и отечественной истории
 Тобольского государственного педагогического
 института им. Д. И. Менделеева,
 кандидат исторических наук

УДК 93/99

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО ЕЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются новые аспекты начала проникновения христианства в Западную Сибирь, о чем дали повод говорить результаты археологических исследований последнего времени.

The article is devoted to the new aspects of penetrating Christianity in Western Siberia. The results of last archeological investigations gave cause to speak about it.

Проникновение идей христианства на территорию Западной Сибири могло идти по двум направлениям: южному, когда один из маршрутов Великого шелкового пути в VI-VII вв. стал проходить по территории Южного Казахстана и Семиречья, и северному — когда новгородские первопроходцы нашли путь в Зауральскую Югру, о чем сообщается в Ипатьевской летописи за 1096 г. [1].

Другое направление — северное — связано с продвижением русских на северо-восток Азиатского континента, что было вызвано богатыми товарами,

которые ценились не только на Руси, но и в европейских странах (меха, моржовый клык, бивни ископаемых мамонтов) [4]. Из летописи можно заключить, что путешествие в Югру в XI в. совершалось неоднократно. Маршрут русских землепроходцев проходил с р. Вычегды на р. Печору, далее вверх по р. Щугору за Урал в бассейн р. С. Сосьвы. Существовал и другой путь, известный как «полуночный», — с Печоры на Усу, потом на Урал на р. Сось. Этими маршрутами русские путешественники пользовались, вероятно, с XI по XVII век. [5].

История взаимоотношений Руси и Зауральской Югры рисует разнообразные русско-угорские контакты — военные, политические, торгово-обменные, даннические. Несомненно, что во время этих контактов языческое население Югры получило некоторые представления о христианстве от русского православного населения. Если оценивать степень развития различного рода контактов, то можно отметить, что в первое время (XI-XIII-XIV вв.) они имели не только военно-грабительский, но и торгово-обменный характер, на что указывает значительное число археологических находок русских вещей и местных подражаний им в пределах лесного Зауралья и Нижнего Обь-Иртышья [6]. Появление первых русских вещей за Уралом относится к XI в., а наибольшее их распространение в домонгольское время приходится на XII-XIII вв.

Именно новгородцы стали не только первопроходцами в Югру, но и сумели обложить данью местное население, и в летописях XII в. Югра называется в числе данников Великого Новгорода. Но из-за отдаленности данническая зависимость Югры была в значительной мере призрачной и сборщики дани часто прибегали к силе оружия, о чем имеются неоднократные свидетельства в летописях. Первая новгородская летопись сообщает о походе в 1104 г. за данью вооруженного отряда под руководством воеводы Ядрея. Среди ратников находился и некий поп Иванка Леген [7]. Кроме совершения необходимых для православных воинов треб и церковных служб поп Иванка вполне мог выполнять и роль проповедника христианских идей во время переговоров и неформальных контактов с местным населением.

В пользу знакомства югорских народов с христианством говорит и ряд археологических находок в Западной Сибири. Одна из них — бронзовый равноконечный крест, обнаруженный археологами в погребении второй половины X-XI вв. н. э. При раскопках в 1998 г. Сайгатинского могильника VI близ Сургута [8]. Подобные кресты, в том числе с изображением распятий, были широко распространены на территории Древней Руси и сопредельных территориях [9].

Не менее любопытна другая археологическая находка на городище Уки II (Уватский район) в виде круглой бляхи-подвески из листовой меди с изображением креста. «Такие, но гладкие, бляхи являются характерным украшением обских угров X-XIII вв., но изображение креста на них здесь встречено впервые» [10]. Руководивший раскопками городища В. А. Могильников делает по этому поводу осторожное предположение: «Как знать, может быть, эта бляха с изображением креста отражает попытку обращения в христианство местных жителей или хотя бы воспроизведения отдельных элементов этой религии» [11].

В 1383 г. была основана Пермская епархия и началась активная христианизация коми-зырян, которая стала надежной опорой в овладении Северным Приуральем, а затем и Югрой. После поражения Новгорода в борьбе с Московским Великим княжеством и заключения в 1456 г. Яжелбицкого мира северные владения новгородцев перешли к Москве. В 1465 г. югорские князья Калпик и Течик приняли русское подданство. В 1472 г. с присоединением к Москве Перми Великой восточные владения Руси вплотную подошли к Югре.

В 1483 г. во время военного похода московской рати на Оби были захвачены в плен ряд хантыйских князей, в том числе «большой» князь Молдан и два

сына князя Екмычя. Весной 1484 г. в Москву прибыло посольство югорской знати с подарками Ивану III и просьбой отпустить пленников.

При этом и православная церковь проявляла интерес к жителям северных земель: когда в конце 1484 г. князя Кодского княжества, располагавшегося на Нижней Оби, прибыли в резиденцию Пермского епископа в Усть-Вымский городок на Вычегде, то владыка заключил с ними мирный договор о прекращении нападений на пермские земли и князья присягнули на верность московскому великому князю.

Изложенные факты заставляют посмотреть на проблему христианизации аборигенов Северо-Западной Сибири несколько иначе и не считать общепринятую дату их знакомства с православием в конце XVI - начале XVII вв. окончательной и не подлежащей пересмотру, чему могут помочь дальнейшие археологические исследования.

Рассмотрев возможность проникновения в Западную Сибирь христианского учения, мы считаем необходимым кратко изложить на основе известных источников основные моменты исламизации сибирского населения, поскольку этого требует постановка вопроса о направленности миссионерской деятельности в рассматриваемый нами период.

К моменту воцарения русской государственности на берегах Туры, Иртыша и Тобола тюркское население края, представленное в основном сибирскими татарами и «бухарцами», исповедовало ислам суннитского толка, что стало возможным благодаря этнокультурным контактам с южными соседями из Центральной Азии [12].

Сведения о начале распространения ислама в Западной Сибири, как «войны за веру», носят полуполюгендарный характер и базируются на рукописи XIX в., которая должной историографической оценки пока не получила. Согласно ей в 1394-1395 гг. состоялся поход 366 шейхов и 1700 воинов хана Шейбана, которые «с мечом и Кораном» пришли из Бухары на берега Иртыша, Тобола и Ишима насаждать новую веру среди сибирских народов [13]. «Цель похода состояла в обращении в ислам народов, живущих на Иртыше: хотан, ногай и кара-кыпчак. Все они в рукописях объединяются под названием «татары» и относятся к язычникам, «поклоняющимся куклам» [14]. Мусульманские миссионеры накануне похода в Сибирь получили приказ такого содержания: «Теперь вам приказание: приглашайте к исповеданию ислама, если они не примут, то учините с ними великую войну за веру» [15].

Но, судя по всему, попытка единовременного насаждения ислама среди сибирских народов насильственным путем не принесла ожидаемых результатов и лишь правящая верхушка в числе сибирских князей и ханской знати, преследуя политические цели, приняла ислам. Об этом говорят мусульманские имена правящих ханов, выбор ими в жены дочерей соседних правителей, исповедовавших религию, привнесенную пророком Мухаммедом. Но «черный люд» еще долгие годы продолжал поклоняться тем же верховным божествам, что и их предки. И даже в XVII-XVIII вв. многие из них держали в своих жилищах кукол, которых считали покровителями своего рода или молились резным идолам и тому подобное [16].

В 1555 г. правители Сибирского ханства Едигер и Бек-Булат, вероятно, впечатленные падением Казанского и Астраханского ханств, признали свою вассальную зависимость от Москвы и попросили защиты Ивана IV от угрозы с юга, которая по ряду причин не была им своевременно оказана и в 1562 г. в Искере (Кашлыке) воцарился хан Кучум из рода Шейбанитов. Именно им ислам был признан официальной религией Сибирского ханства и для распространения его прибыли мусульманские шейхи-проповедники. За довольно короткий срок (четверть века) им удалось привить основы исламской религии большей части запад-

носибирских татар и части угорского населения, находящихся с ними в непосредственных контактах или вассальной зависимости [17]. Во всяком случае, когда на берега Туры, Иртыша и Тобола пришли православные переселенцы, то им пришлось столкнуться с хорошо отлаженной системой ислама. Трудно сказать, насколько глубоко среди местного населения прижилась относительно новая для них конфессия, но вокруг нее произошло духовное и межэтническое скрепление различных групп сибирских народностей, получивших единый этноним «сибирские татары», что позволило им стать сплоченной общностью и противостоять внешним воздействиям иных культур на протяжении многих лет.

Влияние ислама на народы Сибири было достаточно велико и продвижение идей пророка Мухаммеда неуклонно шло на север края, не встречая на своем пути препятствий со стороны иных конфессий. Об активности мусульманских миссионеров вплоть до начала XVIII в. говорит в своем сочинении сподвижник Филофея (Лещинского) Григорий Новицкий. Он описывает, что когда они прибыли в Бурейковые (Бурейские) юрты, где проживали остяки (ханты), то столкнулись с тем, что все жители исповедовали ислам: «... начаша себе нарыцати бесурманы и воздвигоша кличи» [18].

Об этом же говорит интерпретация летописцем XVIII в. похода Ермака в Сибирь, как некоего миссионерского акта, направленного прежде всего на борьбу с «басурманами» и мусульманской религией, в чем он несомненно видит божественное провидение: «И посла их Бог очистити место, где быти святыне, и победити бусурманского царя Кучюма, и разорити богомерзкие и нечестивые их капища и костелы... И от казаков поставишася грады и святыя Божия церкви воздвигошася и благочестие просияша. Отпаде вся бесовская служба и костелы, и требища идольская вся разорися и сокрушися и боговидение всадися...» [19]. Н. А. Абрамов сообщает, что Иван IV после принятия посольства Ермака с сообщением о «взятии Сибири» повелел, чтобы вместе с казаками во вновь приобретенные земли были направлены 10 священников с семействами из Вологды и Устюга [20].

Таким образом, с момента вхождения Западной Сибири в состав Русского государства она оказалась местом тесного взаимодействия различных религиозных конфессий, между которыми рано или поздно должно было начаться противостояние, борьба за приоритеты и сферы влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСРЛ. Т. II. М., 1962. С. 222-223.
2. Массон В. М. Великий Шелковый путь как инструмент экономической и интеллектуальной интеграции // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.
3. Мамлеева Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*, 1999. С. 53-61.
4. Зольникова Н. Д. Ранние русские известия об Урале и Зауралье. Строгановы и продвижение к Уралу в 1550 -1560-х гг. Омск, <http://frontiers.nsc.ru/article.php?id=1>.
5. Бахрушин С. В. Путь в Сибирь в XVI-XVII вв. // Научные труды. Т. III. Ч. I. М., 1955. С. 81.
6. Могильников В. А. Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI-XV веках // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург, 2004. С. 120.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Нассонова. М., 1950. С. 40-41.
8. Карачаров К. Г. Христианский крест и славянский нож X-XI вв. из окрестностей Сургута // Русские старожилы. М-лы Сибирского симпозиума III-го «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск-Омск, 2000. С. 58.
9. Равдина Т. В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988.

10. Могильников В. А. Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI-XV веках // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург, 2004. С. 125.
11. Могильников В. А. Первые русские в Сибири // Тобольский хронограф. Вып. III. Екатеринбург, 1998. С. 145.
12. Главацкая Е. М. «... И Сибирскому государству какого повреждения не учинить...» (Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII-XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 75-83.
13. Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX-XX веков: (Ист.-этногр. очерки). Казань, 1980. С. 195.
14. Карачаров К. Г. Религиозные войны учеников шейха Багау-д-дина против инородцев Западной Сибири / Тюркские народы / М-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002. С. 184.
15. Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея) // ЕГТМ. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 20.
17. Томилов Н. А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 152.
18. Карачаров К. Г. Религиозные войны учеников шейха Багау-д-дина против инородцев Западной Сибири // Тюркские народы. М-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 184-185; Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского Музея) // Ежегодник губернского Тобольского музея. Вып. 19. Тобольск, 1905. С. 18-21; Главацкая Е. М. «...И смехотворения, и безчинства никакого не чинили»: Из опыта религиозной терпимости в Северо-Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 26-36.
20. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С. 76.
21. Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 120.
22. Абрамов Н. Киприан, первый архиепископ Сибирский // Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 100.

*Владимир Дмитриевич ПУЗАНОВ—
зав. кафедрой теологии Сургутского
государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент*

УДК 957+397.4

КОЧЕВНИКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVII–XVIII вв.)

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ истории кочевых миграций XVII–XVIII веков. В это время на юге Сибири совершали переселения калмыки, башкиры и казахи. Кочевые народы вступали в сложные отношения между собой и с русской властью.

The history of nomadic migrations in XVII-XVIII th cent. is analysed in the article. Kalmyk, bashkir and kazakh people were migrated in the sibirian south. The relationship between nomadic people and nomadic people and Russian authority had become complicated.

Кочевые племена Азии сыграли важную роль в истории традиционных обществ Востока и Европы. Их передвижения нередко становились причиной распада окружающих государств и началом новых этапов в истории оседлых народов (например, в эпоху Великого переселения народов). Целью работы является